

Vitamiin

Лилиан Хиоб:

Поскольку сущность искусства графики — тиражируемое изображение, а Анн Паювяли училась в Эстонской академии художеств на отделении графики, то тема этой Артишок биеннале должна быть ей хорошо знакома. За несколько лет Анн создала в программе Adobe Illustrator уникальный каталог мотивов, которые она постоянно использует и комбинирует в своих работах. Эта идея хорошо резонирует с принципом постройки района Ыйсмаяэ: проекты спальных районов основываются на типовых материалах и решениях, а их элементы выбраны из аналогичных специальных каталогов.

К слову, когда в 1974 году началось строительство микрорайона Вяйке-Ыйсмаяэ, по инициативе архитекторов Марта Порта и Малле Меэлак в каталог жилых домов были внесены изменения: добавлены 10 новых серийных номеров (111–121) с пересмотренными проектами, которые позволяли строить немного более просторные кухни и прихожие, а в передней объединять две квартиры общим коридором. Я читала, что Вяйке-Ыйсмаяэ спроектирован по принципу золотого сечения. Произведение Анн — в каком-то смысле микроверсия Вяйке-Ыйсмаяэ, в ее творчестве я также нередко замечаю поиск равновесия и гармонии.

Сийм Прейман:

Да, немного забавно, ведь сама Анн сказала, что ее работа не связана с Вяйке-Ыйсмаяэ напрямую, хотя идея выросла именно из него. Когда я это услышал, то сделал себе заметку, что проигнорирую это.

ЛХ:

Проигнорируем!

СП:

Этот рисунок, который к открытию биеннале может, разумеется, несколько видоизмениться, немного напомнил мне водоем. Я не помню, где мог об этом прочесть, но я уверен, что в художественной литературе девятиэтажки, расположенные вокруг кольца Ыйсмаяэ, называли «Китайской стеной». Последний эскиз Анн вызвал у меня некие восточные (азиатские) ассоциации. Именно он, а не все прочие ее работы. И вот она окружает этот прекрасный водоем в ориентальном стиле бетонной стеной, явно вдохновленной бетоном Ыйсмаяэ, который (по-моему), в свою очередь, называют «Китайской стеной» и в центре которого также располагается водоем. Красота!

ЛХ:

Характерные для микрорайона Вяйке-Ыйсмаяэ балконы, напоминающие плиссированные юбки или плитки шоколада, вполне могли быть позаимствованы из каталога визуальных элементов, созданных Анн. Одной из задач, поставленных при строительстве Вяйке-Ыйсмаяэ, было проектирование закрытых зеленых дворов с хорошим естественным освещением, которые способствовали бы укреплению чувства коллективности. Машинам здесь не было места.

СП:

А теперь здесь полным-полно машин.

ЛХ:

Как мне кажется, Анн не рассказывает нам об Ыйсмаяэ сегодняшнем, а показывает нам идею, которая была у проектировщиков, когда идеальный Вяйке-Ыйсмаяэ только еще рождался на бумаге.

Художник:

Paüväli

Текст:

Vitamin

Сийм Прейман:

Лилиан, ты в Таллинне заглядывала когда-нибудь в магазин изделий из янтаря?

Лилиан Хиоб:

Нет.

СП:

Я тоже. Мне кажется, что магазины янтаря недостаточно привлекательны.

ЛХ:

Наверное. А может, эти магазины не столь и важны. Мне кажется, что важна такая реклама, которая подобно блуждающему огню манит тебя куда-то, разжигает большие ожидания, заставляет мечтать о чем-то прекрасном и хорошем. Но зачастую реклама остается лучшей частью обещаемого ею товара. Ведь суть блуждающего огня — исчезать при приближении, не даваться в руки. Мне кажется, что тонкие работы Анны Мари — в каком-то смысле такие же недостижимо манящие. Их вовсе не хочется непременно взять в руки — достаточно просто ими любоваться. Свои высокоэстетичные объекты она поместила в городские уголки, где нет ничего, кроме этой фата-морганы. К примеру, рядом со старыми магазинами или посреди пустынного переулка. Логика блуждающего огня все та же: подойдя поближе, ты ничего не найдешь.

СП:

На самом деле, ночная жизнь полна таких блуждающих огней. Путь с вечеринки домой может обернуться настоящей охотой за призраками, ведь центр города — наиболее опасный район, где нередки кражи и случаи насилия. Но сейчас ночным посиделкам в барах Старого города наступает конец. Скульптуры Анны Мари — словно напоминание о блуждающих огнях, которыми когда-то наполнился Старый город. Когда-то, но не сейчас. Я точно не представляю, как быстро ликвидируют здесь ночную жизнь, но эта цель сформулирована очень конкретно. Через какое-то время Старый город превратится в тихий и спокойный жилой район с одинокими магазинами янтарных изделий.

ЛХ:

Аналогичным образом в последнее время сократилось появление болотных огней, ведь проводится масштабное осушение болотистых мест с целью их эксплуатации в сельскохозяйственной и лесной промышленности. Здесь между происходящим в природе и городской жизнью наблюдается странный резонанс, поэтому весьма логично, что мы можем наблюдать блуждающие огни Анны Мари именно в это темное и сырое время года.

Художник:

Текст:

Vitamiin

Сийм Прейман:

Узнав об участии Ясса Казелаана, я подумал, что он — идеальный художник для этой выставки. Ведь он как раз и занимается тем, что делает слепки форм и множит их. К примеру, на выставке «Натюрморт (Vaikelu)» в галерее «Хобузепа» он экспонировал кости и шестеренки из темной как чернозем эпоксидной смолы, а на выставке «Овцы (Lambad)» в Тартуском Доме искусства — сто человеческих голов из гипса. Это вполне естественно, ведь он скульптор, снятие слепков является неотъемлемой частью этой профессии. Этот важный навык Казелаан не однажды использовал в своих знаковых работах. Мне особенно понравилось, как он скромно заметил, что создал когда-то художественное произведение под названием «Поле кукол (Nukkude väljak)». Конечно же, мы знаем произведение, за которое он получил награду Köler Prize и которое сейчас экспонируется во дворе Художественного музея KUMU. Так или иначе, здесь имеет место некий интересный сдвиг. Для того, чтобы отлить копию, необходима форма — негатив объекта. Если в центре инсталляции «Поле кукол» были куклы, вокруг которых размещались фотографии панельных домов, то теперь он создает из панельных домов ансамбль... Сколько их будет? Два, четыре?

Лилиан Хиоб:

Больше! Целая куча.

СП:

И он заметил, что, может быть, добавит на стены рисунки. Я не уверен, так уж ли это необходимо рассматривать эту работу как отливную форму или негатив «Поля кукол», где символы весьма любопытным образом поменялись друг с другом местами.

ЛХ:

В скульптуре интересно следующее обстоятельство: несмотря на то, что она основывается на принципе создания копии, потенциал копирования здесь не осуществляется в полной мере — в отличие от графики, где одну литографию можно напечатать тиражом в несколько сотен оттисков. А в скульптуре ты все же стремишься создавать уникальные объекты.

СП:

Ну, к примеру, растиражировать объект в бронзе...

ЛХ:

... требует, наверное, больших затрат! Но в то же время интересно именно то, что мы видим в макете Ясса: человеческая рука не способна к созданию точной копии. Люди же нередко мечтают о некоей идеальной копии, словно приписывая ей неземную сущность. Но, так или иначе, человеческие ошибки неизбежны.

Художник:

Текст:

Vitamin

Сийм Прейман:

Насколько умен код, написанный Йоаной? Является ли он обучаемым процессом, или он способен лишь воспроизводить сам себя?

Лилиан Хиоб:

По-моему, особенность кодирования состоит как раз в создании для кода неких рамок, в пределах которых он мог бы действовать свободно сам: используя имеющиеся в наличии элементы, обновляя себя и т. д.

Это напоминает человека в капиталистическом мире — у него сохраняется иллюзия свободы, но только в определенных границах. Поэтому при написании кода Йоана берет за отправную точку «copyleft movement (движение копилефт)»: свободную программу, в разработку которой каждый может делать свой вклад. Но и дополненный вариант должен оставаться в свободном доступе, за пределами сферы платных услуг.

СП:

Я представлял себе программирование по аналогии с написанием текста или созданием дизайна. У кода всегда своя грамматика, синтаксис. Набор условий, при помощи которых можно передать некую информацию. Но я не думал, что код может быть, так сказать, сценарием танца.

ЛХ:

В то же время традиционные хореографические схемы с руководством для танцоров выглядят так, что непосвященный в них сам не разберется. То же самое и с компьютерным кодом, только степень абстрактности у него выше. Я считаю, что к нему надо подходить как к своеобразной семиотической системе знаков или иностранному языку. Мне кажется, что — учитывая влияние цифровой сферы в современном обществе — кодирование стоит ввести в школьную программу, чтобы его преподавали как сейчас немецкий или русский языки.

СП:

Да, владение этим языком дает тактические преимущества.

ЛХ:

Именно так! К тому же знание компьютерного кода либерализирует — не важно, находишься ли ты в США, Индии, Финляндии или Украине, код является надъязыковой системой коммуникации. И это еще не все: умело обращаясь с ним, можно поддержать политическую революцию (Белоруссия), повлиять на государственный строй (Россия, США) или общественное мнение.

Художник:

Текст:

Vitamin

Лилиан Хиоб:

Работа Йоханны Ульфсак представляет собой волейбольную сетку размером 9×2 м, на которой изображены огромные младенцы и зарубцевавшаяся кожная ткань. Когда я увидела ее презентацию, то подумала, что от этого образа веет неприязнью к младенцам. Огромные младенцы и волейболисты — как будто кто-то начнет сейчас кидаться мячом в малышей. Какое впечатление на тебя как родителя произвели эти мячи и младенцы?

Сийм Прейман:

Это интригующая идея: если играть на этой площадке в мяч, то можно попасть мячом по младенцам. И возникает парадоксальная связь с насилием. По-моему, она также сказала, что происходящее с этими детьми — спектакль. Мне самому вспомнилось при этом, как я до рождения сына искал видео с документацией родов на просторах YouTube. Я нашел пару ютуберов, которые годами делали вместе ролики и передачи, а к тому моменту ждали ребенка и, соответственно, ожидалась передача о родах. 25 минут о том, как проходят домашние роды, а под конец в кадре появляется новорожденный. Я помню, что подумал тогда: «Вау, это и есть «Шоу Трумана» в чистом виде». Счастье или несчастье этого ребенка в том, что он родился в семье ютуберов. За его первыми шагами и словами могут следить миллионы. Никто не спрашивает его согласия. В отношении ребенка — это в какой-то мере тоже спектакль с элементом насилия.

ЛХ:

Я подумала также о том, что родители нередко заставляют ребенка заниматься каким-то определенным видом спорта. Хотят, чтобы он был в нем лучшим. Пытаются через ребенка осуществить свои несбывшиеся мечты.

СП:

«Я был вынужден продать свой саксофон, чтобы прокормить тебя, и теперь ты должен стать лучшим джазменом Эстонии!»

ЛХ:

Да, именно так! Я когда-то занималась плаванием, и встречались родители, которые были просто одержимы тем, чтобы их ребенок ходил на тренировку и был лучшим, покупали для этого лучшие купальники и т. д. Философ Донна Хэрэвэй, одна из расхожих цитат которой — «Make Kin Not Babies! (Заводите родственников, а не детей!)», считает, что вместо рождения детей нам стоило бы переосмыслить модель семьи: жить в группах близких людей, не всегда соответствуя гетеронормативной модели семьи. Согласно Хэрэвэй, возможности для выхода из антропоцентричной деструктивной эпохи предлагают союзы, которые не основываются на кровном родстве, половой принадлежности, расе, религиозных взглядах или даже биологическом виде.

Удовожник:

Ulfesak

Текст:

Vitamin

Лилиан Хиоб:

Не хочу утверждать, что я хорошо знаю историю архитектуры, но работы Марка напомнили мне Миса ван дер Роэ и его «skin and bones architecture (архитектуру «кожа да кости»)». Марк говорит о деконструкции архитектуры и обнажении скелетов зданий. Также, как мне показалось, он относится критически к архитектуре как культуре копирования. Каждое проектируемое здание он старается наделить своим лицом и идентичностью, а еще — раскрыть материалы, которые используются в его конструкции. Современная архитектура — клинически-анонимная и «slick (скользящая)», а его здания выглядят как архитектурные завалы. Они напоминают мне руины — разрушения, вызванные либо военными действиями, либо ходом времени. Объекты Марка, будучи еще новыми, выглядят весьма старыми.

Сийм Прейман:

Мне самым интересным кажется факт, что он «hands-on (архитектор-строитель)». Архитектура представляется мне сферой с весьма четкой иерархией. Если ты начинающий архитектор в большом бюро, то твоей работой может быть, к примеру, составление конкурсных проектов, которые перед отправлением на суд жюри просмотрит кто-то из авторитетных коллег. Если твой проект выиграет, то ты составишь уже следующий проект, который будут воплощать в жизнь, так сказать, настоящие архитекторы. Или, скажем, вопрос о делегировании. Даже если какой-то твой проект будет взят в работу, то не ты же сам будешь его строить. Подумай только — пришел на объект и видишь: слева и справа проложены красивые прямые трубы, а вот посередине кривизна. Ты рисовал и чертил дом, представлял себе, что и как будет тут функционировать, а позже, может случиться, над этим проектом станут работать тысячи людей. Марк же осуществляет весь процесс единолично. Как он сам сказал о себе: он архитектор и каменщик, делает все сам от начала до конца. Это отнюдь не типичный случай в сфере архитектуры.

ЛХ:

Марк сказал, что в архитектуре материал всегда подчинен чертежу, геометрии и системе пропорций. Он же движется в противоположном направлении. Да, он говорит, что хочет сделать свои постройки ближе человеку, поскольку современные здания становятся все более колоссальными, а материалы — далекими от человека. Но если мы посмотрим на его объекты, то ближе ли они человеку? Захочет ли человек в них войти? Скорее, они производят жутковатое впечатление.

СП:

Да, его объекты воплощают жутковато-холодную, подчиненную чертежу архитектуру. Как кажется, в обоих случаях — будь то заранее начерченный или рожденный в этот самый момент объект — лучше архитектуры пока еще ничего не изобрели. Не существует идеального антропоморфного пространства, которое можно было бы использовать и жить в нем.

Художник:

Текст:

Vitamin

Лилиан Хиоб:

Как мы можем критиковать главного спонсора фестиваля?

Сийм Прейман:

Спонсоров надо благодарить, а не критиковать их.

ЛХ:

Вот именно! Я очень жду воплощение этого проекта в жизнь. Мне нравится, что это состоится в торговом центре, т. е. в общественном пространстве. Да еще и в торговом центре T1 — этом странном месте, куда никто практически не ходит. Здесь и раньше пытались экспонировать современное искусство, но, может быть, Артишок биеннале привлечет некий новый контингент.

СП:

Я живу недалеко от T1 и могу сказать, что в его магазине Selver всегда есть покупатели. Но действительно, в концептуальном плане это очень удачное место, ведь этот торговый центр — прекрасный образец стиля, который я называю «fake premium (подделка премиум-класса)». Обычно он проявляется в ламинате с имитацией мрамора или ценной породы древесины, фальшивой позолоте. У здания T1 огромный атриум, рестораны с видом на Старый город, колесо обозрения... все эти посулы, с которыми открылся этот центр, были такими грандиозными, но все пошло насмарку. Волшебный рай шопинга не состоялся. Мне кажется, что Питерьян занимается темой некоей поверхностности, поэтому я не уверен, возможно, было бы лучше претворить его проект в жизнь в каком-то популярном торговом центре или в плане образности это как раз в самую точку, что проект разворачивается в торговом центре, который служит просто перевалочным пунктом на пути в торговый центр Ülemiste.

ЛХ:

Мне кажется, что эта локация работает. Не исключено, что этот No Bull Energy Drink — просто обертка, в которой все тот же Red Bull или что-то подешевле. Ложные обещания, ложные обещания...

СП:

Это весьма красноречиво, ведь спонсором Артишок биеннале как раз и стал энергетический напиток. Я не устаю повторять, что этот фестиваль кажется мне работающим на пределе сил и возможностей. 10 дней, 10 художников, 10 критиков, 10 мест: все мчатся, задыхаясь, как на марафоне, а спонсор программы — энергетический напиток.

ЛХ:

Это же идеально!

СП:

Должен признаться, что я не совсем понимаю, занимает ли Питерьян критическую позицию или нет... При просмотре его материалов все выглядит так аппетитно. Если я представлю себе владельца компании Tesla, пьющего Red Bull и делающего селфи, то это тоже будет выглядеть весьма аппетитно.

ЛХ:

Но в своей презентации проекта художник процитировал Бэтмена: «Чтобы победить страх, ты должен сам стать страхом. Чтобы видеть рекламу насквозь, чтобы быть выше ее средств манипуляции, ты должен ею стать».

Текст:

Художник:

Витамин

Artyшок

Vitamin

Сийм Прейман:

И снова стандарты и проблемы пространства...

Лилян Хиоб:

Да. Желание человека измерить, картографировать, поместить в определенные рамки, подчинить своим знаниям окружающий мир — это тип мышления эпохи Просвещения, который современность унаследовала от XVIII века. Мы просто не умеем осмыслять окружающий мир как-то иначе. Но стремление к стандарту, его введению и затем следованию ему влечет за собой проблему колонизаторского толка: все, что не отвечает стандарту или не совпадает с каноном, видится чужим, неизвестным, нестандартным. Как правило, люди стараются такие вещи или явления принизить, подчинить себе или отбросить как ненужные. Таким образом, стандарт по своей сути — проблематичная категория.

СП:

В своем творчестве Сийм Карро занимается разоблачением структурной иерархии, разворачивая ее в каком-то смысле наизнанку. Заложена же в смарт-устройства способность использовать психологические особенности людей так, чтобы максимально незаметным образом стать для людей незаменимыми. Человек — это ресурс, которым манипулируют, бесконечно переставляя с одного места на другое словно пешку в игре. То же происходит и в строительстве: целью не является построить жилое пространство, максимально подходящее именно тебе, но жилое пространство, достаточно подходящее максимальному количеству людей, чтобы можно было его быстро копировать и множить.

ЛХ:

Карро как раз и предлагает альтернативную единицу, которая исходит из конкретного субъекта, пребывающего на данный момент в контакте с ней. Единица меняет размер и форму, ее можно сложить, по-разному развернуть и свернуть.

СП:

Помимо дерева, среди подходящих материалов он назвал алюминий. Именно потому, что он легко поддается обработке. Мне этот материал всегда казался холодным, острым, неприятным на вкус.

ЛХ:

Выбор материала действительно интригует. Особенно потому, что Сийм ранее работал с альтернативными строительными материалами — к примеру, с микропластиком (органическим строительным материалом, созданным при помощи грибницы). Если использование грибницы позволило бы упростить адаптацию стандартов в соответствии с конкретным человеком, то «гнуть стандарты» при помощи алюминия — задача гораздо более сложная. Поживем — увидим, удастся ли Сийму перекодировать алюминий на клеточном уровне.

Художник:

Текст:

Siiim

Carro

Vitamiin

Лилиан Хиоб:

В рамках Артишок биеннале Койт и Кайза построят игровую площадку, выступая против однотипных решений массового производства, заказываемых по каталогам. В этом смысле они полностью правы, ведь ни у одной фирмы, официально занимающейся установкой игровых площадок в Эстонии, нет соответствующего сертификата.

Сийм Прейман:

И подумать странно, что такое вообще возможно. Чтобы построить игровую площадку, надо ходатайствовать о разрешении, согласовать проект с разными сторонами — одним словом, подготовить целый ряд документов. И когда вся эта бюрократическая работа самым подробным образом проделана, к строительству площадки приступает фирма, которая соответствующей компетенцией не обладает.

ЛХ:

Элемент игры присутствует во всех сферах жизни, от политики до архитектуры и спорта. Но взрослые склонны забывать об этом. «Микроархитектура» современных игровых площадок копирует банальные дома с двускатными крышами и замки принцесс. Детям можно было бы предложить что-то гораздо более оригинальное и уникальное, но почему-то все остановилось на имитации мечты взрослых.

СП:

Имитация взрослых — очень важная часть детской игры и развития. Только подумай, как дети хотят играть в магазин, школу, в полицейского и злодея. Кайза и Койт хотят создать игровую площадку, которой смогли бы пользоваться как дети, так и их родители. Ведь если представить себе типичный ритуал, разыгрывающийся на игровой площадке, то дети играют в центре, а взрослые сидят вокруг, читают или листают ленту на смартфоне.

ЛХ:

Но, к сожалению, на нынешних площадках взрослые не могут играть с детьми. Горки слишком узкие, качели — низкие: они просто не предназначены для нашего роста. А если я сейчас задумаюсь о двухуровневом столе, которые предлагают нам художники... Как думаешь, смог бы ты работать за таким столом, в то время как малышня играет на нижнем уровне?

СП:

Я сильно в этом сомневаюсь. Как думаешь, достаточно ли социальны и открыты друг другу жители Таллинна, чтобы проводить время за подобным круглым столом?

ЛХ:

Наверное, нет.

СП:

Вот именно поэтому этот проект такой замечательный. Если бы у нас было больше такого сближающего городского пространства, то, может, постепенно люди стали бы больше общаться друг с другом.

Текст:

Художник:

Kaija Kait

Koht Kait

Vitamiin

Сийм Прейман:

Для начала обсуждения это, наверное, критичное замечание, но если уж говорить о поколенческой теме «Восток против Запада», взяв с одной стороны валун возрастом до 6500 лет, а с другой — статую Ленина... У меня возник вопрос: существовали ли вообще такие категории как Запад и Восток 6500 лет назад? Этот мегалит нельзя назвать характерным западным сооружением. Это объект, который существовал до политического жеста установления государственных границ, раздробления народов. Люди, воздвигнувшие этот валун, могли вообще не знать, что где-то на Востоке, вблизи какого-то другого валуна, живут другие люди. Но может сложиться и так, что мы с тобой еще помним, что был на свете Ленин, а нашим детям можно будет показать какой-нибудь менгир или дольмен, а затем статую Ленина, и они не поймут, чем они отличаются.

Лириан Хиоб:

Статуя Ленина может восприниматься таким же артефактом из глубины времен, как и это каменный монолит. Просто необходимо время, чтобы эта скульптура обрела такой статус. Формат трансформирующегося образа, который используют Анн Мирьям и Шимон, как раз и является, образно говоря, попыткой убрать Ленина на пыльный чердак истории. Высвободить его от эмоций, которые он всегда вызывал. Я тоже подумала от том, что чем дальше, тем значительнее становятся те немногие монументы, которые у нас еще остались.

СП:

Да, мы необязательно согласны с этими монументами, так как они предназначены для насаждения утраченной идеологии. Мы не обязательно гордимся ими, но если мы их прячем, не означает ли это, что... мы отрицаем, что такое вообще имело место в истории? Так мы полностью потеряем нашу память! Не знаю, раскусит ли кто-нибудь, что какие-то тридцатилетние художники вернут Ленина на старое место в Таллинне?

ЛХ:

Ну, я не знаю, Ленин уже и на футболках красуется. Всего пару лет назад фирма Adidas выпустила футболку с текстом «СССР». От временной дистанции куда не денешься...

СП:

Вот именно. Как кажется, сплавление Ленина и монолита для Востока смогло бы означать некую надежду. Или страх. В зависимости от того, хочешь ли ты забыть или, напротив, боишься этой амнезии. Но с западной перспективы это все — одна жидкая историческая масса, и неважно, будет напечатан на футболке Ленин или мегалит.

Художник:

Текст: